УДК 008.372.8

А.В. РЫБЧАК, *канд. филос. наук, доцент, 333rybchak@mail.ru*
Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет)

A.V. RYBCHAK, *PhD phil., associate professor, 333rybchak@mail.ru*
Saint Petersburg State Mining Institute (Technical University)

АПОЛОГИЯ АСКЕТИЗМА В ДРЕВНЕРИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Прослежено возникновение идеи аскетизма в дохристианском Риме. На примере избранных текстов выявляется воля к аскетизму в среде древнеримских интеллектуалов. Устанавливается факт заимствования базовых христианских идеологем из античной культуры.

Ключевые слова: аскетизм, мораль, Рим, христианство.

APOLOGIA OF ASCETICISM IN ANCIENT ROMAN LITERATURE

This issue traces the development of asceticism idea in ancient Rome independently of Christianity influence. The will to asceticism traces from pre-Christian times by the examples of ancient Rome literature. So, that main Christian ideas was formed under antique influence is taken for granted.

Key words: asceticism, morality, Rome, christianity.

Как много в нашем культурном видении зависит от исторических случайностей! Помня о том, что история не терпит сослагательного наклонения, все же пофантазируем в духе работы Тойнби «Если бы Александр не умер тогда» и предположим, что если бы древняя Иудея находилась на рубеже эр под протекторатом не Рима, а любой другой пассианарной империи (например, Китая), христианство, рождавшееся и формировавшееся в то время, обрело совсем другие формы: его идеология, этика, эстетика были бы совсем иными. Например, не было бы борьбы за титул «второго» и «третьего» Рима. В борьбе за этот статус совсем забыли, что сам Рим по сути своей был «вторым» Вавилоном, где жесткая мораль имела аморальную изнанку, а власть, жестокость и церковность тесно переплелись.

Однако идеологические аспекты древнеримской жизни невозможно подвергнуть анализу без рассмотрения предыдущей исторической главы: Древней Греции. Паскаль Киньяр в своем знаменитом эссе «Секс и страх» [3] недоумевает: каким образом свободолюбивый древний грек трансформировался в рамках античности в древнего римлянина, исповедующего репрессивную этику уголовного типа, где власть, церковность, социальность и даже сексуальность стали синонимами. Это недоумение Киньяра похоже на удивление Ницше по поводу возникновения в жизнелюбивой греческой среде мрачной трагедии (как жанра), а также на прозрения Мишеля Фуко по поводу неразделимости триады сексуальность – репрессивность – власть. Но как в Древнем Риме появилась этика, согласно которой цель оправдывает средства ее достижения, а статус (status) есть понятие более священное чем представление о каком-либо боге? Для христианства, куда в условиях Рим-

ской империи данная этика перешла полностью, это существенный вопрос.

Многие считают ницшеанскую критику сократического морализаторства преувеличением. Напомню, что Ницше [4] винит Сократа (а, следовательно, и Платона) ни много ни мало в падении Древней Греции и вообще в том, что античность (в лице ее ценностей, разумеется) закончилась. Ницше считает, что трагедия в солнечном греческом мире появилась потому, что греки обладали самодостаточностью, «неврозом здоровья» – им не было нужды в метафизических утешениях и литературных успокоениях в духе того, что все будет хорошо. Они чувствовали себя настолько уверенно, что бесстрашно смотрели на трагическую суть мира. Именно за это они и любили трагедию: она приподнимала завесу благолепной иллюзорности и показывала ужасную сущность бытия. Это назначение является более важным и глобальным, чем какой-нибудь банальный катарсис. Однако ненависть к жизни была рождена римским бытом и развивалась в интеллектуальной среде как раз на рубеже эр. По Ницше, это было печальным свидетельством упадка греческого духа: отныне грек искал не духовной битвы и бури, а утешения, успокоения, спасения. К этому моменту греческая трагедия «вдруг», необъяснимо внезапно и неожиданно, после неимоверного расцвета, прекращает свое существование. На смену трагедии приходит метафизика как жанр (в лице Платона и Аристотеля) и придумывается совершенно прохристианская этика.

Но влияние Сократа заключалось не только в смене моделей: с античной доблестной на христианско-мазохистскую. В культуру и в церковную форму самого христианства попали еще два смертоносных вируса: религиозная роль идеологии в ее связи с властью (и последовавшее за этим уничижение чувств, от творческих до любовных) и специализация человеческих способностей.

Античные циники, христианские монахи и юродивые суть апофеоз презрения к материальному миру, к собственному телу и достоинству. Стоики уже прямо называют себя космополитами – они говорят о себе как о наднациональной силе, так сказать, «пятой колонне», для которой отечество не является родиной: их родина там, где обстоятельства благоприятны для развития мудрости.

Итак, тема свободы и любви (Греция) сменилась темой власти и подчинения (Рим). Результат очевиден: римская культура оказалась бесплодной. По сравнению с греческим философским (идейным) разноцветьем, Рим явился выжженной пустыней, и самое лучшее, что он мог сделать – это исчезнуть, раствориться в иной (новой) культуре, в данном случае христианской. Парадоксально, но при своих имперских аппетитах Рим имел волю к смерти, ибо у него была гнилая сердцевина. Обратим внимание на то, что греческая литература смакует подробности, связанные исключительно с доблестью, войной, гибелью, ранениями. Так в «Илиаде» Гомер, доходя до описания кровопролития, замедляет повествование и детально живописует, как именно и куда вошло копье, каким образом вывалились кишки; как после мощного удара палицей по лбу выскакивают глаза из глазниц; как можно копьем смешать в черепе мозг с кровью; как от сильного удара дубиной по шлему голова в шлеме раскалывается пополам и каковы способы проткнуть желчный и мочевой пузырь человека. Греческая литература создавалась для людей бесстрашных, отражала истинно мужественный дух греков. И это сочеталось с децентрализованностью и либерализмом греческих нравов.

В Риме все было наоборот: внешне выглядя как неумолимая машина для завоеваний, римская культура рождала преимущественно порнографическую литературу и живопись, демонстрируя, как сказал бы Гераклит Эфесский, влажность души. Греки не знали разделения на гомо- и гетеросексуальные отношения, но они различали умеренность и необузданность. Рим, как известно, не имел меры ни в чем: ни в завоеваниях, ни в разврате, ни в роскоши, ни в жестокости. Поэтому на рубеже эр в римской культуре возник казус: римская интеллектуальная элита отторгла Рим со всей его

историей, богами и обычаями. Римляне не были патриотами (ибо патриотизм это любовь к родине), но они всегда защищали Рим, потому что Рим всегда защищал их.

Однако родилась целая плеяда интеллектуалов, перекормленных этой пошлой роскошью. Прежде всего, это Зенон из Китиона, Сенека, Петроний, Апулей, Тертуллиан, Августин, Боэций. Эти люди желали Риму поражения, хотя сами были его плотью и кровью (но уже не духом!). Эти люди жаждали того, что имперский Рим не мог им дать, – аскетизма, той духовно-интеллектуальной сферы, в которую можно было бы уйти, скрывшись от безобразия римской повседневности. Но на рубеже эр подобной области в Риме не было: римская религия не предполагала понятия иночества, а науки и искусства были чрезвычайно недоразвиты. Именно поэтому в данной культурной прослойке накопилась грандиозная воля к смерти, аскезе, иночеству, спасению от раздробленности и фрагментарности жизни того времени в каком-нибудь едином и абсолютном боге. Все это вылилось в отчаянные религиозно-философские поиски, приведшие к изобретению сначала протохристианства (римская философия неслучайно развивала лишь избранные школы греческой философии: стоиков, циников, неоплатоников, т.е. исключительно тех, кто отрицал жизнь), а затем и самого христианства.

В этом смысле самой симптоматичной фигурой является язычник-неоплатоник Апулей: будучи не знаком с Библией (в своей «Апологии» он называет Моисея и Христа варварскими магами и перечисляет их в ряду прочих колдунов нецивилизованного мира), он проповедует монотеизм и аскетизм, воздержание от любых аффектов и уход от мира, рассуждает об ангелах-хранителях (я имею в виду его учение о даймонах в работе «О божестве Сократа») и страшном суде. Финал его «Метаморфоз» посвящен апофеозу единой во многих лицах богини Исиды и проповеди прохристианской морали [1]. Надо заметить, что смешение греческих, римских, египетских и других богов, а также сведение их к единому божественному Лицу уже само по себе заключает прохристианский, монотеистический мотив. Однако надо учесть, что Апулей не мог иметь никакого отношения к христианству, ибо вовсе не был с ним знаком.

Петроний высмеивает римский образ жизни, о чем говорит само название книги «Сатирикон» [5]. Устами одного из своих героев он заявляет, что Рим, занятый только бизнесом, следовательно, и войной, стал слишком утилитарен; такие иррациональные сферы жизни как наука и искусство ему не интересны, поэтому он погряз в чудовищном разврате и скоро падет. Сегодня, говорит Петроний, поэтов забрасывают камнями (да и поэты стали ужасными), над философами смеются, а смысл греческих картин не понимают: осталась только страсть к деньгам, которая и убила искусство. И не только искусство, но и сам Рим! Петроний пишет, что причина небывалой кровожадности Рима в том, что римская знать все свои несметные миллионные состояния слишком быстро растрачивает на роскошь и разврат, а новые большие заработки получает через новые войны. Именно поэтому, кричит Петроний, Рим полностью разложился и существует между войной и развратом. Единственный выход – уйти в аскетическое служение богам. Рим, ненавидя греческую культуру, но переняв и не поняв (и забыв, запустив) ее, занимался только войной, экономикой и политикой и от бескультурья впал в разврат и духовную пустоту. Именно поэтому лучшая часть римского общества потянулась к аскезе – сначала интуитивно, потом рационально. Сначала роль аскетических богов выполняли Исида и Осирис, но только потому, что Моисей и Христос были варварскими пророками. Мы видим, как постепенно возникают синтетические боги: Исида и Осирис вобрали черты богов Греции, Рима, Египта, а христианство вобрало в себя помимо этого еще и часть месопотамских культов; именно в этом глобальная сила христианства. И когда Рим пал, исчезла грань между рабом и аристократом, варваром и цивилизованным. Так возвысилось христианство.

Самое поразительное в том, что ход языческой римской мысли не изменился с распространением христианства и воцерковлением римских интеллектуалов. Боэций философствует так, как будто никакого Христа не было. И стиль, и содержание римской философии остались языческими. С самого начала христианство ничем не отличалось от язычества, кроме священных имен. Неразличимость римского язычества и христианства в православии ярче всего проявлена у Боэция. В своем знаменитом посмертном трактате [2] он ни разу не цитирует Библию и не упоминает Христа: для иллюстрации выдвигаемых морально-религиозных положений он прибегает исключительно к Гомеру и житию языческих богов (Феб, Селена) и героев (Ахилл, Одиссей). А ведь это христианский теологический трактат! Во-вторых, Боэций провозглашает чисто римско-языческое отождествление добродетели и закона, греха и беззакония. Следуя языческой логике, Боэций далее по сути обосновывает возможность и необходимость убийства грешников: ведь предаваясь животным страстям, грешники становятся по сути животными, а убийство животного (волка или свиньи) грехом не является. Более того, Боэций в «Утешении философией», как и Данте в своей «Божественной комедии», не отрицает существования языческих богов, просто Единый Бог у них – главный.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апулей*. Метаморфозы и другие сочинения. М., 1988. 399 с.

2. *Боэций*. Утешение философией. // Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1990. 101 с.

3. *Киньяр П.* Секс и страх. СПб, 2005. 256 с.

4. *Ницше Ф.* Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. // Ницше Ф. Сочинения. М., 1990. Т.1. 111 с.

5. *Петроний.* Сатирикон // Античный плутовской роман. Л., 1991. 130 с.

REFERENCES

1. *Apuleius*. Metamorphoses and other works. Moscow, 1988. 399 p.

2. *Boethius*. Consolation of Philosophy. Moscow, 1990. 101 p.

3. *Kinyar P*. Sex and Fear. Saint Petersburg, 2005. 256 p.

4. *Nietzsche F*. The Birth of Tragedy, Or: Hellenism and Pessimism // Nietzsche F. Works. Moscow, 1990. V.1. 111 p.

5. *Petronius*. Satyricon // Antique picaresque novel. Leningrad, 1991. 130 p.